

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 68 (3569)

Суббота, 9 июня 1956 г.

Цена 40 коп.

ВОРОТА В СИБИРЬ

С этими ребятами я познакомился в купе поезда Москва-Иркутск...

Евгений АНАНЬЕВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

По самым многочисленным и, пожалуй, самым почетным гости сегодняшней Тюмени — геологи...

Но это только начало. Как ни странно, Тюменская область, расположенная в непосредственной близости к Уральским горам...

Мне вспоминается прошлое лето на Полярном Урале. Наша небольшая геологическая партия преодолела два трудных перевала и вышла к очередной стоянке на берегу маленькой горной речушки...

Перезада непогоду, мы разбились палатки и занялись обработкой собранных ранее образцов горных пород...

Вот увидите — мы еще найдем на Восточном Урале железный пояс! Все, все, чем богат Западный Урал, есть на востоке...

И жизнь начинает оправдывать прогнозы ученого. Уголь, железная руда, другие минералы уже найдены...

Об этом совещании хочется рассказать, поподробнее. В конце мая в Тюмень съезжались ученые и производственники из Москвы и заполярного города Салехарда...

Плунуно промышленно развитости свои выступления охотоведы, поискам новых полезных ископаемых — разведчики-геологи...

Но особенное внимание привлекли выступления разведчиков нефти и газа. Это понятно: в Директивах XX съезда партии по шестому пятилетнему плану сказано...

Что скрывать, работа разведчиков нефтяных богатств Сибири особенно сложна. Труднодоступные, малонаселенные мест...

та Западно-Сибирской низменности, сплошная тайга, коварные топи. И чем дальше, тем в более отдаленные, более нехоженые края забираются разведчики нефти со своим громадным оборудованием...

В марте нынешнего года небольшой отряд, руководимый молодым специалистом, выпускником московского вуза Юрием Мартыновым, получил задание обследовать один участок в нескольких сотнях километров от Тобольска...

Рано утром, едва рассело, отряд вышел в путь. Все на мечах, у каждого за спиной тяжелый рюкзак или ящик...

Так прошли сутки. Ели на ходу, о сне не приходилось думать. На вторые сутки забушевала пурга, особая, предвесенняя, когда начавшийся снег подтаивает и снова замерзший снег тысячами острых иголок...

Через сорок девять часов отряд вышел на исходную точку. Сорок девять часов без отдыха, без сна. Но задание было выполнено...

Это, конечно, трудно. Но где еще можно найти такую школу мужества, школу воспитания характера стойкого и целеустремленного? И что может сравниться с чувством выполненного долга, чувством принесенной народу пользы?

Впрочем, трудности нельзя превращать в самоцель. Те же люди, которые рассказали мне о маршруте группы Юрия Мартынова, среди них были геофизики, сами ходившие в этот или подобные ему походы...

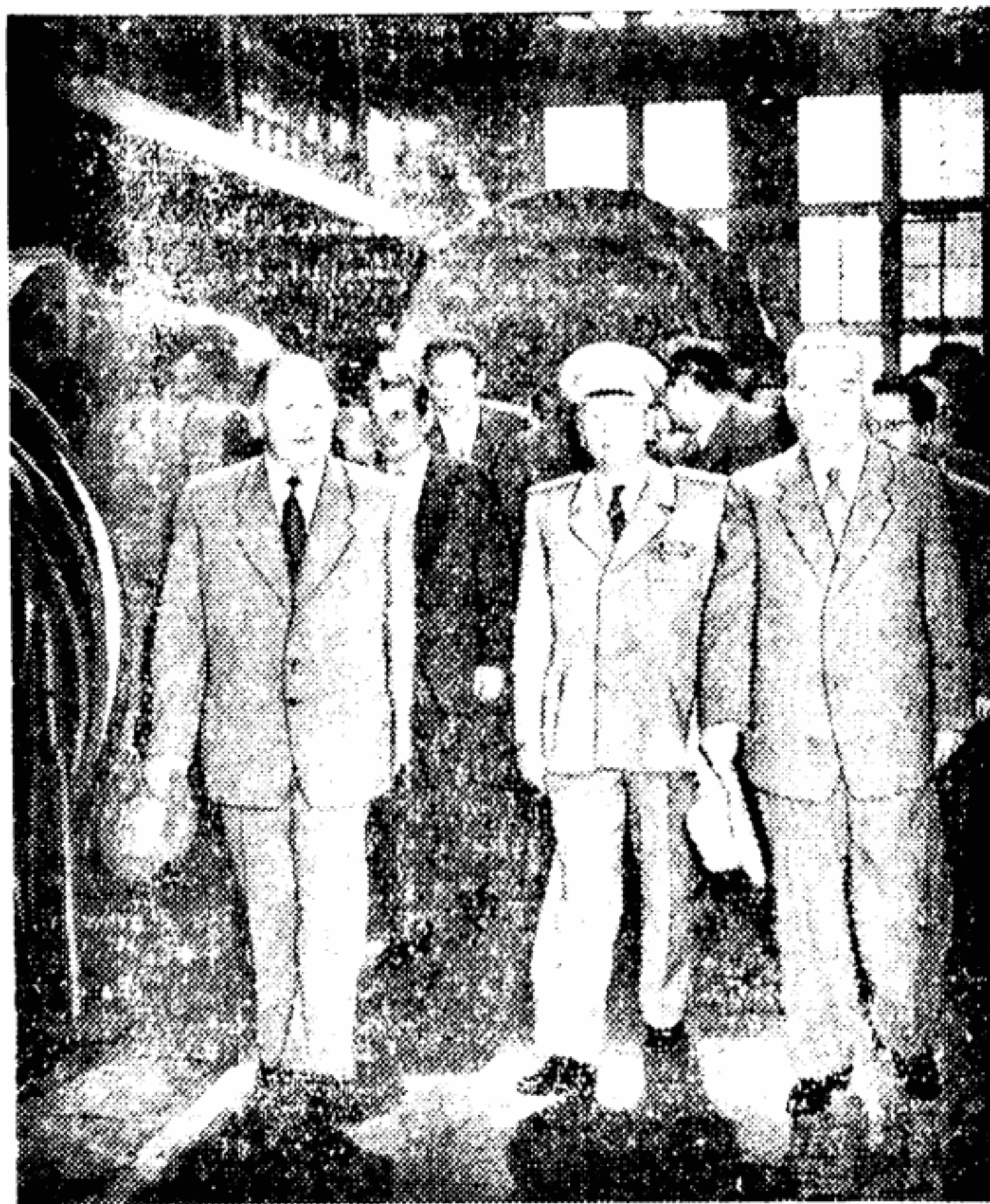
Хорошо, утверждали они, — проноси тяжёлый груз на себе. Но ведь тот же прибор — гравиметр, да и многие другие, можно изготовить более легким, буквально в несколько килограммов. Образцы уже есть. Надо их сделать только более надежными...

Хорошо — прошли пешком по болоту и тайге. А не пора ли переходить к более совершенным, более экономным методам исследования, в частности, с помощью легких вертолетов?

Хорошо — мы пробраемся с громоздкими буровыми станками сквозь лесные чащобы и болота, затрачиваем огромный труд, теряем уйму времени. Не выгоднее ли будет перейти на более прогрессивные вибро- и гидробурение, облегчить буровые станки, устанавливать их на веревках, подходящих к условиям сибирской тайги, в которой мы работаем и будем работать много лет?

Хорошо — мы перешли из обжитых районов европейской части страны в малоосвоенные районы Сибири. Нам порой приходится обходиться без минимальных удобств. Но почему уже сейчас не позаботиться о таежных предметах обихода — легкая и теплая палатка, о спелодже, которая подождала бы для походов в Сибирь, а не на Кавказе?

Эти и многие другие вопросы поднимают люди, ставящие сейчас на службу Родины новые колоссальные богатства недр. И нам думается: чем быстрее они найдут свое разрешение, тем скорее и эффективнее будут осваиваться подземные кладовые Сибири.

Президент ФНРЮ Иосип Броз Тито, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин и сопровождающие их лица на ленинградском заводе «Электросила»

«Добро дошли!»

Добро дошли! Эти сербские слова, прозвучавшие на перроне вокзала в приветственной речи председателя исполкома Ленгорсовета Н. И. Смирнова...

Мне захотелось подойти на Невском к первому же встреченному мною рядовому советскому человеку, как рекомендует делаться в такой день хороший обычай корреспондентов...

Как хорошо, что нашей дружбе с Югославией больше ничего не препятствует, — сказал он. — Ведь мы боевые друзья! В самой Югославии, жаль, не пришлось мне побывать...

Побратим, товарищ в сраженье, — о нем в Югославии поют в песнях еще со времен былинного витязя Красавица Марко. Встречей побратимом и хочется назвать нынешнюю встречу в Ленинграде...

В день приезда товарищей Тито, Булганина и сопровождающих их лиц принимали труженики завода «Электросила» имени С. М. Кирова. В какой вихрь цветов попал Президент, как только вышел из машины!

В цехах гостям аплодировали вместе с советскими рабочими практиканты из Китая. Начальник цеха показал югославским друзьям строящиеся турбогенераторы для электростанций нашей страны и для Вьетнама...

На трибуне митинга крепким рукопожатием обменялись Президент Тито и приветствовавший его старый фрезеровщик Николай Прокофьевич Богданов.

Товарищи, дорогие рабочие, — сказал Президент Тито электросиловцам, — я приехал сюда как Президент Югославской Республики с моими товарищами, но должен сказать, что я питаю к вам чувства товарищества, как рабочий к рабочим.

То, что было сказано на этом митинге на дворе завода в яркий солнечный день Иосипом Броз Тито и Николаем Александровичем Булганиным о дружбе навет, о совместном стремлении двух стран укреплять и защищать дело мира, сопровождалось мощными, от сердца идущими овациями.

Среди электросиловцев, встречавших гостей, был мастер Константин Владимирович Жильцов. В прошлом году он с группой советских туристов провел отпуск в Югославии и навсегда запомнил эту прекрасную страну, ее горы и синие воды Адриатики, а главное — прием, оказанный советским людям.

И вы хорошо понимали сербский язык? — спросил я. Конечно, понять можно, надо только внимательно прислушаться к их речи.

Днем 7 июня Президент И. Броз Тито осматривал Ленинград. Но он был совсем не там, где ожидали его многочисленные расстравленные журналисты. Вдвоем с Николаем Александровичем Булганиным Президент совершал прогулку по Невскому. Затем посетил Летний сад, угощал ребят-тишек мороженым, конфетками, запросто беседовал с ленинградцами.

На второй день, 8 июня, югославские гости выехали за город, осматривали Петродворец, его парк и прославленные фонтаны...

Под знаком советско-югославской дружбы протекает культурная жизнь города. В день приезда товарища Тито в кинотеатрах начался показ югославских фильмов. Спектаклем «Бог Бульчов и другие» открылись гастроли Югославского драматического театра.

Трудно передать, как мы тронуты горячим приемом, оказанным нам ленинградцами, — говорит режиссер этого театра Томислав Танкофер. — Это тем более радостно, что мы считаем Россию своей театралью родиной.

В эти дни в празднично оживленном Ленинграде мне часто приходили на память слова электросиловского мастера: «Понять можно, надо только внимательно прислушаться к их речи».

Мне хочется придать этим простым, умным словам более широкий смысл. В самом деле, как важно, получше прислушаться друг к другу — и людям и целым народам.

В. ДРУЖИНИН

ПРОВОДЫ ВЕСНЫ

Это новый праздник. Придумали его мловляны и проводили в первое воскресенье июня на лесной поляне близ станции Качалинской, в километре от левого берега Дона.

Полукругом выстроилось более сотни грузовых машин, почти столько же «Побед», «Москвичей» и «газиков», затем полукругом стали мотоциклы самых различных марок и несчетное количество велосипедов.

На поляну съехалось с правого и левого берега Дона около трех тысяч колхозников, механизаторов, животноводов, рабочих совхозов Иловлинского района.

Были митинг. Он занял всего семь минут, кому охота слушать длинные речи, когда поют песни, шумят топота и целая команда байкистов ждет сигнала. Единственный оратор — председатель Иловлинского райисполкома И. Скородко — напомнил, что в прошлом году район по сдаче и продаже зерна в три раза перевыполнил планы...

Началась выдача премий лучшим механизаторам, агрономам, животноводам. В числе премий — отрезки на костюм, на платье, часы, пакеты с деньгами — по 300 и 500 рублей.

Потом грянули баяны, зашумело гульяне, открылась ярмарка — продавцы расположились под деревьями, на открытых грузовиках и в палатках. Сюда подвезли много товаров, а колхозница Серафима Шамрина из артели «Коммунар» утверждала:

«Если бы привезли еще тысячу готовых домов или тысячу вагонов строительных материалов, мы все это раскупили бы в три счета, за наличные».

Проводы весны оказались веселым праздником колхозной деревни.

Станица КАЧАЛИНСКАЯ Иловлинского района, Сталинградская область

И. ЕГОРОВ, корреспондент «Литературной газеты»

ХОРОШИЕ ПРОГНОЗЫ

Заползшая против обычного весна не баловала нас теплом. Почти на всей территории страны стояла прохладная, дождливая погода.

И лишь к концу мая установилось некоторое потепление. Как же сказались такая погода на посевах?

Этот вопрос наш корреспондент задает заведующему отделом агрометеорологических прогнозов Центрального института прогнозов А. Процеву. Сообщив, что в средней полосе началась рост всех сельскохозяйственных и садовых культур, он показал несколько карт. На одной из них поле условия посадки с дождями: средняя температура доходила до 5-7 градусов тепла. Это несколько задержало развитие посевов.

Умеренная, прохладная весна, обильные осадки, значительно превысившие норму, благоприятно сказались на формировании всех сельскохозяйственных культур, — заявляет А. Процев. — Заложена хорошая основа для будущего урожая.

А как с прогнозом погоды на ближайшее время? — спросил корреспондент. — Погода будет, по крайней мере в июне, хорошей, более теплой, чем обычно в это время года. Несколько прохладнее погода ожидается в районах Сибири.

Награждение дунганского писателя Я. Шивазы орденом Трудового Красного Знамени

Указом Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в области развития советской дунганской литературы, в связи с пятидесятилетием со дня рождения, писатель Исбар Шиваз награжден орденом Трудового Красного Знамени.

ДЕКАДА АРМЯНСКОГО ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ На выставках

На стенде под стеклом желтый, полустелбший листок бумаги, такой ветхий, что, кажется, стоит к нему прислониться, и он рассыплется в прах. И действительно — ему тысяча лет. Это фрагмент древнейшей из сохранившихся армянских рукописей на бумаге. Рядом с ним фрагменты рукописей на пергаменте и старые рукописные книги.

Много экспонатов из знаменитого армянского книгохранилища Матенадарана представлено на открывшейся недавно в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина выставке армянского искусства.

Богато представлен на выставке советский период, в частности художественная литература. В этом разделе — произведения армянских классиков, современных писателей. Большой интерес представляет экспозиция армянских словарей советского периода и обширная армяноведческая литература.

Тем, кто никогда не был в Армении, интересно посетить выставку, открытую в Центральном доме работников искусств. Здесь можно увидеть отлично выполненные фотографии новых улиц Еревана, его центральной площади с величественным памятником В. И. Ленину, живописных уголков парка имени Комсомола...

Можно получить представление и о промышленности республики, ее культуре — картинной галерее, музеях, театрах, концертных коллективах.

В Союзе писателей сегодня заканчиваются обсуждения произведения армянских писателей.

И сейчас Тюмень принимает дальних гостей. Это одетый в оленью шкуру неведомый охотник из Ямала, прибывший на совещание в областной центр из заполярного тундрового стойбища; манси-рыбак, сопровождающий улов осетров, стерлядей и другой ценной продукции на Тюменский рыбооперативный завод; юная селькупка, мечтающая поступить в техникум; ханты-оленьевод, приехавший на курсы председателей колхозов; лесоруб из таежного села Уват на Иртыше, занятый получением новых бензо-моторных плотов и мощных тракторов для своего лесопрохоза.

Инци, манси, ханты, селькупы — представители малых народов Севера, живущих в Тюменской области.

И сейчас Тюмень принимает дальних гостей. Это одетый в оленью шкуру неведомый охотник из Ямала, прибывший на совещание в областной центр из заполярного тундрового стойбища; манси-рыбак, сопровождающий улов осетров, стерлядей и другой ценной продукции на Тюменский рыбооперативный завод; юная селькупка, мечтающая поступить в техникум; ханты-оленьевод, приехавший на курсы председателей колхозов; лесоруб из таежного села Уват на Иртыше, занятый получением новых бензо-моторных плотов и мощных тракторов для своего лесопрохоза.

Инци, манси, ханты, селькупы — представители малых народов Севера, живущих в Тюменской области.

Новые стихи армянских поэтов

Ашот ГРАНИ Родина

С персиковым деревом ты схожа, Родина цветущая моя, Розовая ты заре покоей Пенного цветения струя.

В радостном, горячем этом свете Персиковые вижу я цветы, Шлепест под знойным ветром ветви, Пульнуто волною плещешь ты В радостном, горячем этом свете.

Осеню на стол земли обильный Сбрасывает дерево плоды, В Ленинград и Минск, в Москву и Вильнюс

Шлют дары янтарные сады Осеню на стол земли обильный.

Персиковым деревом зову я Родину, которую пою. Завязь воспеваю я живую, Каждый лепесток... Страну мою Персиковым деревом зову я.

Перевод В. ЗВЯГИНЦЕВОЙ

Шаги

Еще не стекла сумрак, словно копыт, И не видать за окнами ни зги, Еще во сне, еще сквозь сон, должно быть, Мне слышатся под окнами шаги.

Знаю, кто на работу до рассвета, Знаю, кто в предутренние сны, Сирани, ты на робото до рассвета Проходишь торопило вдоль стены.

В наш общий двор с тенистой шелковицей Выглядит твой порог и мой порог, В старинный дворик, где, журча, струится

Прохладный и веселый ручеек, Где, чтобы не упсть, стоят в соседстве Домашки глинобитные и где Друг друга старожилы знают с детства И в радостях семейных и в беде. Тот муж на фронт ушел из Еревана, Потом пришло известие о нем. С тех пор, с рассветом каждым, рано рано

Твои шаги я слышу под окном. Чтоб у твоих детей был дом не хуже, Чем у других, красивая душа, Прибавляла ты к пенсиям за мужа Свой заработок — пусть и небольшой. Ни у кого и никогда на свете, Чтобы участия им не занимать, В заботах стала маленькой... А дети, Ты их большими вырастила, мать.

К полуночи солнце нагревает крыши. На улице по-летнему — жаро. И под моими окнами, я слышу, Собралась дети нашего двора Потирать сыновей твоих награду — Похвальными грамот яркими листья. Я за тебя, Сирани, горда и рада. Я знаю, как обрадуешься ты.

Как дорога их каждая отметка! Все дальше отступают дни войны. Мы переедем в новый дом, соседка, А глиняные — будут снесены, В многоквартирном доме с многооконным... Не я хочу, чтобы меня с утра, Как и всегда, будили утром сонным Твоим шагам под окнами, сестра.

Перевод Ю. ГОРДИЕНКО

Ц в е т ы

Когда в лугах брожу я спозаранку, Когда в сиянии мирной синевы Апрель-апрель — ромашку, нарциску Я запримечу среди густой травы,

Когда китайским зонтиком гвоздика Камается на выступе скалы, Когда влетает меня красною дикой Багрянчик мак и травы так теплы,—

Я становлюсь простым и незлобивым, Доволенным и ясным, позабыв О всех былых обидах, под приливом Сердечных дум, которыми я жив.

И говорю себе: ты на людей Не хмурись, будь приветливее с ними, Пускай живут по совести своей И правдой и ошибками своими.

И ночью и днем, не смолкая, Бежит ручеек под окном, И брызги смеются, сверкая В саду шестилетнем моем.

Не знаю, куда он стремится, Куда свою песню несет,— Развистая, искрится, струится И ночи и дни напролет.

Внимно веселому зрению Его бесконечной вечно

Перевод Елены НИКОЛАЕВСКОЙ

И днем и ночью

Цветы, и чинары, и клены Всплоз этот светлый ручей.

Ах, если б случилось вдруг чудо, И песь мой, ставши ручьем, К тебе побежала б отсюда Звенеть под раскрытым окном,

Чтоб строчки, как струйки, журчали Тебе о печали моей И вянущей любви не давали, А силы давали бы ей!

Перевод Елены НИКОЛАЕВСКОЙ

Осеню поздно ради чего Ты расцвела, моя белая вишня? Как я ждала торжества твоего Ранней весной... Но к чему этот пышный Поздний расцвет? О, поверь,— никого Не очаруешь ты прелестью лиственной!

Перевод М. ПЕТРОВЫХ

Осеню поздно ради чего Ты расцвела, моя белая вишня? Как я ждала торжества твоего Ранней весной... Но к чему этот пышный Поздний расцвет? О, поверь,— никого Не очаруешь ты прелестью лиственной!

Перевод М. ПЕТРОВЫХ

Радостно поздней в саду опустелом! Все словно снегом опсыпана ты, Вся полихвачена ты пламенем белым...

Радостно поздней в саду опустелом! Все словно снегом опсыпана ты, Вся полихвачена ты пламенем белым...

Радостно поздней в саду опустелом! Все словно снегом опсыпана ты, Вся полихвачена ты пламенем белым...

Радостно поздней в саду опустелом! Все словно снегом опсыпана ты, Вся полихвачена ты пламенем белым...

Радостно поздней в саду опустелом! Все словно снегом опсыпана ты, Вся полихвачена ты пламенем белым...

Радостно поздней в саду опустелом! Все словно снегом опсыпана ты, Вся полихвачена ты пламенем белым...

Радостно поздней в саду опустелом! Все словно снегом опсыпана ты, Вся полихвачена ты пламенем белым...

Радостно поздней в саду опустелом! Все словно снегом опсыпана ты, Вся полихвачена ты пламенем белым...

Радостно поздней в саду опустелом! Все словно снегом опсыпана ты, Вся полихвачена ты пламенем белым...

Радостно поздней в саду опустелом! Все словно снегом опсыпана ты, Вся полихвачена ты пламенем белым...

Радостно поздней в саду опустелом! Все словно снегом опсыпана ты, Вся полихвачена ты пламенем белым...

Радостно поздней в саду опустелом! Все словно снегом опсыпана ты, Вся полихвачена ты пламенем белым...

Радостно поздней в саду опустелом! Все словно снегом опсыпана ты, Вся полихвачена ты пламенем белым...

Перевод М. ПЕТРОВЫХ

Появление нового сборника высказываний В. И. Ленина о культуре и искусстве — большое и радостное событие.

В. БУРСОВ

Общая говоря, вряд ли можно составить такой свод высказываний Ленина о культуре и искусстве, который дал бы исчерпывающий материал по указанной теме.

Тем не менее выпуск специальных сборников высказываний Ленина по вопросам культуры и искусства имеет громадное теоретическое и практическое значение.

Составителем нового сборника (Н. Крутикова) проделана большая работа. В книгу включены отрывки из статей и речей Ленина, письма или выдержки из них.

И все-таки работа составителя не оставляет полного удовлетворения. Отказавшись от тематического принципа систематизации материала, Н. Крутикова просто дает отрывки из соответствующих документов, сохраняя их заглавия и перенося их в оглавление книги.

Обзорный составитель принцип стеснил его и в отборе материала. В сборник включены лишь те высказывания Ленина, которые в той или иной степени прямо обращены к вопросам культуры и искусства.

Особенно досадно, что за пределами сборника остались многие высказывания Ленина, имеющие основополагающее значение для темы о культуре и искусстве.

Ленин о культуре и искусстве. Изд. «Искусство», М., 1956. 572 стр. Вступительная статья В. С. Мейлаха.

Васильевич Бабушкин, в которой дана классическая характеристика героя-пролетаря, являющегося образцом для всех трудящихся.

Число примеров можно было бы увеличить, но в этом нет нужды. При всех успехах составителя сборник выпадает важную роль, хотя можно и нужно выпустить в ближайшее время более удачно составленную книгу.

Чтение сборника, страница за страницей, производит колоссальное впечатление. Поражаешь не только широту и глубину ленинского взгляда, но и необычайной гибкости его мысли, подмечающей самые различные оттенки в одних и тех же явлениях и вопросах.

А между тем при решении этого сложного вопроса у нас много упрощается, высказывания Ленина применяются одностронне и догматически. И происходит это, на наш взгляд, вследствие того, что для уяснения закономерностей историко-литературного процесса берутся высказывания Ленина только о роли различных сословий и классов в нашем освободительном движении.

Результаты всего этого оказываются печальными. Во-первых, недооцениваются произведения Толстого и Чехова 1890-х годов — вершина критического реализма; во-вторых, вносится путаница в вопрос о формировании социалистического реализма.

Вся перспектива историко-литературного процесса при таком подходе к делу выглядит безжизненной схемой. Да и как можно ограничивать изложение русской литературы критического реализма 1892 или 1895 годом, если эпоха с 1861 по 1904 год у Ленина названа эпохой подготовки первой русской революции и творчество Толстого рассматривается как художественное отражение этой эпохи?

С другой стороны: как можно в период с 1825 по 1861 год не заметить ничего другого, кроме преобладания предстательства передового дворянства в нашем освободительном движении, если Ленин прямо указывал на то, что общественная мысль России уже в 1840-е годы выступила на путь, который вел ее к марксизму?

Наступило время и для более широкой постановки проблемы зарождения, развития и отличительных качеств искусства социалистического реализма и его преемственности по отношению к искусству прошлого. В высшей степени актуальной является задача изучения ленинского метода анализа явления культуры разных эпох и направлений. Последняя задача не только не решалась, но даже и не ставилась. Мы цитируем статьи Ленина о Толстом, но над методологией ленинского подхода к Толстому еще мало задумывались.

В лучшем случае дело ограничивается противопоставлением Ленина Плеханову, не понимая значения Толстого для русской революции. А ведь дело здесь не только в превосходстве ленинского анализа, опирающегося на теорию отражения. Статья Ленина о Толстом — классические образцы литературно-критического жанра.

Нет нужды доказывать, что разработка темы о ленинских принципах литературно-критического анализа помогла бы нам разобраться во многих вопросах и содействовала бы повышению идейного и профессионального уровня нашей критики и литературоведения.

Ленинские принципы анализа явлений искусства надо изучать в их конкретном применении. Конечно, критерий художественности в марксистско-ленинской эстетике в существе своем всегда остается одним и тем же. Но это вовсе не значит, что он совершенно одинаково применяется к искусству всех времен и народов.

Из всего этого видно, сколько у нас нерешенных тем и проблем, какую трудную и увлекательную работу нам предстоит выполнить в освоении ленинского наследия и творческом применении его к области искусства, культуры. Нельзя сказать, чтобы у нас мало было работ на эту тему. Не особенно напрягая память, можно было бы назвать десятки журнальных и газетных статей, ей посвященных.

Недостатки нашего литературоведения сказываются в какой-то робости мысли, в какой-то скованности методологии. Совершенно очевидно, что, только всерьез принявшись за творческое изучение ленинского наследия применительно к теории и истории искусства, можно помочь искренности пережиток догматизма и всего связанного с ним.

Наша наука о литературе в большом долгу. Статьи о Ленине и литературоведении появились у нас немало, но они печальным образом в основном популярно-рекламного характера.

Вот какие мысли приходят, когда читаешь гениальные суждения Ленина, собранные в недавно выпущенном сборнике «Ленин о культуре и искусстве».

В Краснокамском целлюлозно-бумажном техникуме, который готовит специалистов для бумажной промышленности, хорошо работает редколлегия стеновой газеты «Знание — сила». Она не выпускает сатирический листок «Крокодил». На снимке: члены редколлегии студенты В. Сарбров и Ю. Путькин за выпуском очередного сатирического листка «Крокодил».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

День поэзии. В Ростове-на-Дону областной научной библиотекой имени Карла Маркса, городским комитетом ВЛКСМ и отделением Союза писателей проведен в одно из последних воскресений День поэзии.

Встреча с иностранными корреспондентами. Гостиная в Минске города московских корреспондентов газет и радио стран народной демократии посетила народная поэтесса Белоруссии Я. Коласа, на квартире у которой собрались местные писатели и журналисты.

Комиссия по литературному наследству Т. Гартного. Президиум Союза писателей Белоруссии создал комиссию по литературному наследству Т. Гартного в составе И. Гурского (председатель), В. Карпова и И. Шаравского.

В московской секции прозы. Состоялась очередная встреча рассказчиков. Со своими устными рассказами, в качестве автора и исполнителя, выступила артистка Московского Художественного театра Е. Ауэрбах.

Творческий отчет В. Туренской. В Старо-Владивостокском отделении Союза писателей состоялся творческий отчет писательницы Валентины Туренской — автора книг «Зрелость» и «Просторы».

Конкурс на памятник А. М. Горькому. Во Владивостокском отделении конкурса на лучший эскиз памятника А. М. Горькому. Первое место присуждено скульптору П. Муладину.

Сатирик по роду своей деятельности приходится обличать, разоблачать и критиковать. Дело это хлопотное и небезопасное, ибо вызывает законное негодование критикующих.

Что требуется баснописцу? Формалисты, составившие учебники по теории литературы, уверяют, что в басне нужна аллегория. Ложность этого утверждения доказали многие современные баснописцы.

Зачем нужен Брем? Со времен Эзопа человечество привыкло видеть в баснях птиц, рыб и зверей. Пусть они будут и у вас. Тогда читатель сразу поймет, что перед ним не что-нибудь, а именно басня.

Была синица раз директор завода, А на дворе лежал металлолом. И еще, гуляя там в хорошую погоду. Спросил: «Когда же лом мы уберем?»

Выбор масок. Кого же назвать синицей, кого ежом, кого енотом, а кого бобром? Это праздный вопрос. Им интересовались лишь покойные баснописцы.

Итак, берите любого зверя. Под маской медведя в баснях, опубликованных в печати, фигурировал и бюрократ, и перестраховщик, и начальник, склонный к семейственности.

Синица-выпускница. Кончала узд одна синица, Весма кокетливая птица, И, повстречав профессора ежа,

Еж усмехнулся и сказал: — Ты любишь не меня! Тебе нужна стилистика!

Среди людей и профессуры! Синица-алкоголик Забрисыв все дела, вдруг сплелась алкоголичкой.

И день и ночь она плала. То выпнет сак, то выпнет сак. И был допущен в производство брак.

Другие маски. В баснях могут фигурировать и неодушевленные предметы. В одной басне, например, мы с интересом и пользой для себя прочли диалог прогрессивно настроенного Венника с реакционно настроенным Полом.

Вам, скажем, хочется покритиковать лиц, не проявляющих инициативы, а ждущих приказов сверху. Если вы в рифмованных строчках промямлите, что вот, мол, есть еще у нас перестраховщики, то никто ваше произведение не напечатает.

Выбор масок. Кого же назвать синицей, кого ежом, кого енотом, а кого бобром? Это праздный вопрос. Им интересовались лишь покойные баснописцы.

Итак, берите любого зверя. Под маской медведя в баснях, опубликованных в печати, фигурировал и бюрократ, и перестраховщик, и начальник, склонный к семейственности.

Синица-выпускница. Кончала узд одна синица, Весма кокетливая птица, И, повстречав профессора ежа,

Еж усмехнулся и сказал: — Ты любишь не меня! Тебе нужна стилистика!

Среди людей и профессуры! Синица-алкоголик Забрисыв все дела, вдруг сплелась алкоголичкой.

Синица-выпускница. Кончала узд одна синица, Весма кокетливая птица, И, повстречав профессора ежа,

Еж усмехнулся и сказал: — Ты любишь не меня! Тебе нужна стилистика!

Среди людей и профессуры! Синица-алкоголик Забрисыв все дела, вдруг сплелась алкоголичкой.

В МОСКОВСКОМ клубе литераторов над главным залом имеется некоторые подобие антресолей с очень удобными лежаками.

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

проработок прошли как бухто, правда? — Допустим... — Ну вот, я хочу выяснить, нет ли тут закономерности.

Диалог о герое

— Охотно. Но я всегда относился к афоризмам с недоверием. Чем эффективнее афоризм, тем он подозрительнее.

М. ЧАРНЫЙ

— Вот так снова говорят о современной теме, о герое нашего времени... И он слегка кивнул вниз, в сторону собрания. Литератор был в том опасном возрасте, когда задерживаться в ставленном списке «популярных надежд» было уже явно недовольно.

— Охотно. Но я всегда относился к афоризмам с недоверием. Чем эффективнее афоризм, тем он подозрительнее.

— Верю. — А почему же уходите? — А потому, что даже о самом нужном и правильном некоторые умудряются говорить скучно и неправильно.

— Вот так снова говорят о современной теме, о герое нашего времени... И он слегка кивнул вниз, в сторону собрания.

— Нет, серьезно... Почему Погодин потерпел неудачу с пьесой о целине? Как вы думаете? Ведь автор... Не кажется ли вам, что дело не в авторе, а в материале. Целина... земля делала тысячи лет не потревоженной ни одной лопатой, люди только приехали, стали шевелить... Сотни тысяч людей, машины... все начинается сначала... Ну, как тут писать? Какой тут может быть герой, оригинальный характер, когда этот характер еще никак не отстоялся. Сам герой еще живет в палатке, а его характер... характер это, извините, еше... первозданная туманность. Что написать о подвиге целинных и залежных земель, надо, что характер героя сам... отделился. Ага, родился афоризм. Вам подсчастливилось... чуть не крикнул мой собеседник и угрожающе дернул за пуговицу пиджака... вы присутствовали при рождении блестящей мысли. Немедленно признайте мое авторское право!

— Да, это мало похоже на Присти. — Странно было бы предположить, что великие французские энциклопедисты не могли бы должным образом работать из-за того, что почва социального строя колебалась у них под ногами.

— Да, это мало похоже на Присти. — Странно было бы предположить, что великие французские энциклопедисты не могли бы должным образом работать из-за того, что почва социального строя колебалась у них под ногами.

— Да, это мало похоже на Присти. — Странно было бы предположить, что великие французские энциклопедисты не могли бы должным образом работать из-за того, что почва социального строя колебалась у них под ногами.

— Да, это мало похоже на Присти. — Странно было бы предположить, что великие французские энциклопедисты не могли бы должным образом работать из-за того, что почва социального строя колебалась у них под ногами.

— Да, это мало похоже на Присти. — Странно было бы предположить, что великие французские энциклопедисты не могли бы должным образом работать из-за того, что почва социального строя колебалась у них под ногами.

— Да, это мало похоже на Присти. — Странно было бы предположить, что великие французские энциклопедисты не могли бы должным образом работать из-за того, что почва социального строя колебалась у них под ногами.

— Да, это мало похоже на Присти. — Странно было бы предположить, что великие французские энциклопедисты не могли бы должным образом работать из-за того, что почва социального строя колебалась у них под ногами.

— Да, это мало похоже на Присти. — Странно было бы предположить, что великие французские энциклопедисты не могли бы должным образом работать из-за того, что почва социального строя колебалась у них под ногами.

— Да, это мало похоже на Присти. — Странно было бы предположить, что великие французские энциклопедисты не могли бы должным образом работать из-за того, что почва социального строя колебалась у них под ногами.

— Да, это мало похоже на Присти. — Странно было бы предположить, что великие французские энциклопедисты не могли бы должным образом работать из-за того, что почва социального строя колебалась у них под ногами.

— Да, это мало похоже на Присти. — Странно было бы предположить, что великие французские энциклопедисты не могли бы должным образом работать из-за того, что почва социального строя колебалась у них под ногами.

— Да, это мало похоже на Присти. — Странно было бы предположить, что великие французские энциклопедисты не могли бы должным образом работать из-за того, что почва социального строя колебалась у них под ногами.

— Да, это мало похоже на Присти. — Странно было бы предположить, что великие французские энциклопедисты не могли бы должным образом работать из-за того, что почва социального строя колебалась у них под ногами.

Преодолевая трудности

Участники декады армянского искусства и литературы привезли в Москву много книг. Рядом с именами поэтов и прозаиков, старых, давно побывавших, и новых, появившихся недавно, наше внимание привлекают также имена литературоведов и критиков. Здесь тоже представлены все поколения: рядом с селовласым Арташесом Кариняном, чьи первые литературно-критические статьи мы найдем на полках книжных магазинов в последние дни декады, рядом с другими давно известными именами мы встретим представителей талантливой литературной молодежи, уже зарекомендовавших себя хорошими, полезными работами.

Институт литературы имени Аветяна Академии наук Армянской ССР выпустил в последнее время целую серию однотипных — они даже оформлены одинаково — книжек объемом по 6—8 листов. Каждая из этих книг рассказывает о творчестве писателя или литературном процессе определенного периода. Назовем несколько книг из этой серии: монография Н. Дабегана «Егше Чаренц», Г. Мурадяна «Деренки Демирчян», А. Инджикяна «Аветик Исаакян», А. Асатрян «Акоп Аюпян», С. Манукяна «Гегам Сарян», Г. Степаняна «Мовсес Арази», С. Агабабяна «Стефан Зорьян» и «Найри Зарян», книги С. Сарьяна «Послевоенная армянская советская литература», С. Арутюняна «Армянская советская драматургия», А. Аванесяна «Армянская советская литература и устное народное творчество». Некоторые из этих работ были переведены затем на русский язык. В 1956 году в Армянском государственном издательстве вышел еще ряд трудов по истории советской армянской литературы, в том числе — монография А. Сахакяна о Чаренце и В. Терзибашяна об Арази, книга А. Ворскляна «Степан Шаумян и вопросы литературы», М. Атабекян «Ованес Туманян — литературный критик» и др.

Внимательно прочитав все эти книги, нельзя не прийти к выводу, что современное армянское литературоведение серьезно продвинулось вперед в научном обосновании опыта нашей литературы.

Монографии серии Института имени Аветяна написаны по одному принципу: они рассматривают творчество того или иного писателя в биографическом порядке, в тесной связи с развитием общественной жизни страны. Авторы этих работ стремятся анализировать творческий путь писателя не изолированно, а в общем литературном процессе — и не только Армении и Закавказья, но и всего Советского Союза. Анализировать, например, такие произведения Стефана Зорьяна, как «Председатель ревкома», «Девушка из библиотеки», «История одной жизни», молодой литературовед С. Агабабян делает удачную попытку определить место и значение этих произведений в истории советской армянской литературы. Он приводит убедительные сравнения и аналогии, связывает творчество Зорьяна с традициями русской литературы, с художественными принципами Чехова и Горького. Например, одно из лучших произведений Стефана Зорьяна «История одной жизни» находится, как показал исследователь, в русле традиций горьковского трилогии об Алеше Пешкове.

Следует особо отметить еще одну общую для всех монографий положительную черту. Это — внимательное отношение к традициям народного творчества и армянской классической литературы, к изуче-

А. ПЕТРОСЯН

нию их плодотворного влияния на развитие многогранный армянской литературы. Так, довольно подробно проследивается в книге А. Сахакяна о Чаренце отношение великого поэта к творчеству своих знаменитых предшественников — отношение, не сразу ставшее правильным, но чем далее, тем более верное, глубоко осознанное, органическое.

Серия монографий в целом дает богатую картину истории современной армянской литературы. Здесь, очевидно, решающим образом сказались многообразие и богатство самого материала, многообразие имен, биографий, творческих путей.

Вот Аветик Исаакян, перешагнувший с лирой в руках рубеж двух веков. Он донес до нас живое дыхание гуманизма демократической армянской литературы. На его страницах — пыль бесчисленных дорог Востока и Запада, где он искал человеческую правду, искал ответа на мучившие его трудные вопросы жизни, а в глазах его победно искрится свет нового пути, который был найден поэтом, возвратившимся в свою родную страну, ставшую Советской Арменией. А рядом с ним Найри Зарян. Он не исчислил множества стран, он не помнит своего Туманяна, не знает терзавших Исаакяна сомнений. Его призывал в литературу горький Октябрьской революции, его талант пробужден сражениями за новые, коммунистические идеалы, за подлинно социалистический уклад жизни.

Деренки Демирчян, так же как и Аветик Исаакян, пришел в советскую литературу уже зрелым мастером художественного слова. Но подлинный расцвет его творчества связан с его горячей работой над произведениями о новых людях революционной эпохи, о возрождении угнетенного человека, о служении делу революции. Перу маститого писателя неслучайно принадлежит первая армянская комедия

СБОРНИК «ДРУЖБА»

Этот сборник, выпущенный Армянским госиздатом, — о дружбе русского и армянского народов, о давней дружбе, которая расцвела на новой основе в наше время в братской семье советских народов.

В книге собрано много ценных материалов по истории армяно-русских культурных связей. Богато представлены воспоминания крупнейших деятелей русской культуры, ученых, писателей, композиторов, таких, как И. Павлов, В. Качалов, Вл. И. Немирович-Данченко, Е. Тарле, К. Юон, А. Шувев, М. Гнесин. В их статьях дается высокая оценка талантливым представителям армянского народа. Большинство этих материалов, как указывает в предисловии академик В. Амбарцумян, публикуется впервые.

Особый интерес вызывает издание О. Туманяна, А. Спендиарова, А. Исаакяна и других. Они говорят о своей любви к русскому народу, о том огромном влиянии, которое оказала на них великая русская культура. Характерны названия некоторых статей: «Я причисляю себя к русской школе» крупнейшего армянского композитора А. Спендиарова, «С благодарностью вспоминаю...» народного артиста СССР В. Вагаряна, «Великое гуманистическое начало русского реалистического искусства осмыслило мое искусство, дало ему путеводную нить», — пишет народный артист Армянской ССР В. Палазян.

Второй и третий разделы книги посвящены отдельным деятелям науки и культуры армянского народа. Мы знакомимся с жизненным путем, с достижениями виднейших армянских ученых — В. Амбарцумяна, А. Алиханова, братьев Орбели и других. Проникновенными словами говорит Н. Тихонов в своем поэтическом очерке о славному сыне армянского народа Аветике Исаакяне. Много статей посвящено театру, армянским артистам.

Сборник предваряется обширной статьей соавтвателя А. Арутюняна «Из истории культурных связей русского и армянского народов».

каких скрижалях начертано, что искусство должно и может изображать только «устоявшегося» человека? Почему оно не может запечатлеть человека в движении, в «строительстве» характера, в полете? П то возьмется определить, какая степень быстроты этого движения уже становится недостаточной для глаза художника? А я так склонен думать, что искусство, сумевшее дать человека в историческом, общественном, политическом движении, и есть наиболее значительное, интересное искусство. Его передовое, новаторское, ведущая роль только тогда и может проявиться во всю силу, когда оно схватывает новое, рождающееся и тем помогает обществу в вечной борьбе прогрессивного нового с отживающим.

— Может быть, это наиболее интересное. Но мы ведь спорим не о том, что желательное, а о том, что возможно. — Тогда надо снова обратиться к опыту истории. Эренбург в той же статье ссылается на Данте, которому тенденциозность и страстность несколько не мешали создать «Божественную комедию». Эренбург совершенно прав, когда говорит: не мешали, а помогли. Но ведь время Данте — это время жестоких социальных бурь, гражданских войн в Италии, общественного перелома, перехода от средневековой к эпохе Ренессанса. Однако и это не мешало созданию поистине божественной «Комедии». Не только не мешало, но, можно сказать, обусловило. Если вернуться к временам более близким, то вспомним, что о зависимости характера литературного героя от эпохи думали и русские классики.

— Гончаров, например, считал, что бурная эпоха не благоприятствует... — Это мнение Гончарова характерно не столько для законов искусства, сколько, может быть, для самого Гончарова. Есть писатели, которым вращение будущего моря жизни меньше всего представляется удобным для «отображения». Другое дело, когда писатель не только отображает жизнь, но активно вмешивается в нее, чувствует себя борцом, ощущает в себе силы быть водителем человеческих душ.

— На кого вы можете сослаться в данном случае? — На самого Льва, на Толстого. Устраняет это вас? На интересующую нас тему Лев Николаевич беседовал однажды с Королем. Владимир Галактионович сказал: «Причина отсутствия больших писателей в том, что теперь такое переходное время, когда все качается, движется, когда нет ничего устойчивого, и потому

на тему из советской жизни — новаторская для армянской драматургии комедия «Наполеон Коркотян». А вот Аюпяна на арену художественной литературы привел путь профессионального революционера, большевика-подпольщика. Не идеи гуманистической жалости к угнетенному человеку, что было характерно для многих представителей дореволюционной армянской демократической литературы, а идеи пролетарской революции вдохновляли стихи Аюпяна. Он первым принес в армянскую поэзию призывы великой революции.

Итак, чтение монографий воссоздает многоликую, многогрannую историю новой армянской литературы. И все же именно здесь окая слабость монографий. Их авторам пока еще недостаточно удалось раскрыть художественное своеобразие каждого писателя. Между тем армянская литература дает богатый материал для решения этой важной задачи нашей литературоведческой науки. Даже в книге об Аветике Исаакяне — поэте удивительно неповторимом — проблема творческого своеобразие освещена весьма бледно. Почти все слова и эпитеты, употребленные А. Инджикяном для описания поэтического мастера Исаакяна, могут быть отнесены к характеристике всех армянских поэтов, создавших удивительные, пленительные, патристические, народные и т. д. песни. Читатель хочет понять, что присуще именно Исаакяну, он хочет понять, чем тот заслужил любовь народа, выраженную одним словом — вярлет (мастер), хочет узнать, почему многие его стихи бытуют в широких массах как народные песни. А. Инджикян, к сожалению, не достиг такой глубины эстетического анализа, которая соответствовала бы значению и сущности исследуемого им художественного материала.

Такую же претензию можно предъявить и авторам других монографий. Например, Гр. Мурадян делает такой вывод о первом рассказе Д. Демирчяна: «В нем еще не слышен самобытный голос Демирчяна, не видно почерк своеобразного художника, т. е. то, что с особой силой проявилось полтора десятка лет спустя...». Какой же у него «голос» и «почерк»? Читаем дальше. Много цитат, много пересказа, много верных замечаний о содержании произведений, но нет ни «голоса», ни «почерка», ни анализа формы.

Иногда о писателе, о его произведении пишется так, что вообще исчезает всякая специфика литературы. «Яркою картиною борьбы за победу колхозного строя нарисовал Арази в рассказе «Тысячелетовый» (1931 г.)»; «Автор повести в значительной мере удалось тесно увязать элементы будущего с будничной практикой социалистического строительства, с борьбой за победу колхозного строя»; «...Большой рассказ Арази — «В блеске водопада» (1933 г.) также затрагивает проблему выкорчевывания пережитков прошлого в сознании людей». И т. д. Все эти формулировки, выданные из слабой книги В. Терзибашяна об Арази, отчетливо и резко выражают то, что в ряде других монографий дано более опосредствованно, не прямо, но в общем так же сухо и упрощенно.

И все же рост литературоведческой мысли в Армении неоспорим. Можно не сомневаться, что, расширяя изучение живого материала литературы и углубляя теоретические выводы, армянские литературоведы в скором времени завершат работу над научной двухтомной историей советской армянской литературы, напишут новые хорошие книги, преодолеют старые, собственные, кощунские, не только им, но и всему нашему литературоведению ошибки и слабости.

и еще пойдут о войне произведения более совершенные и значительные, — это насколько не умаляет значения книг-пioneров, появившихся в дни бури, книг-участников, книг-свидетелей. Более того, без них было бы невозможно появление «Войны и мира» будущего.

— Наш спор приобретает, кажется, несколько отвлеченный характер. — Уверю вас, что нет. И я очень рад, что вы его затеали. Именно сегодня перед нашим искусством стоят очень сложные и ответственные задачи. А когда есть трудности, то всегда получают некоторые шансы на успех попытки оправдать отступление, уход в сторону от больших задач, при помощи ссылки на то, что это обусловлено эпохой и якобы неизбежно. Соблазнительная и опасная попытка. Она расслабляет волю, без которой большое искусство невозможно.

— Если это так, то я совершенно не понимаю, почему «Литературная газета» напечатала статью Пристыля.

— Повидимому, в порядке гостеприимства и дипломатической вежливости.

— Но она, кажется, ничего и не возразила ему по существу... — Это уже в порядке чрезмерного представления о вежливости.

— То, что трудно, — это безусловно... Не знаю почему, но десять лет тому назад, когда я считался «молодым», было во сто раз легче... И писалось как-то счастливо, и слава... — А-а, брат... Я уже сказал однажды: «Всякое счастье, даже боевое, есть удел молодежи: оно любит баловать молодежь. Ведь победа немножко тоже женщина». Милый друг, слава — она тоже немного женщина. Она охотно льнет к молодому. Потом, как это иногда бывает, с огорчением замечает, что она, кажется, ошиблась.

— Спасибо. За такие утешения быть рад, если нет ничего другого под рукой... — Не сердитесь. Литератор не может обижаться на красное слово. Охотно верю, что вы в расцвете сил. Но литературу-то наша, безусловно, молода. Она только вступает в пору зрелости. Чтоб закрепить ее немалые победы, упрочить всемирную славу, нужны новые, еще более значительные деяния. Трудности больше, это вы правы. Чтоб быстрее с ними справиться, необходимо очистить дорогу от ложных, демобилизующих теорий.

В МОСКВЕ, на сцене Большого театра, в дни гастролей зарубежных артистов, кинофестивалей, концертов и вечеров, хорошеет предельно в декаду армянского искусства и литературы явилась выставка произведений народного художника Армении М. Сарьяна.

Лично я люблю Сарьяна за то, что своим искусством он утверждает могущество живописи, ее язык, понятный людям разных наций, ее линию, композицию, цвет.

С мыслями о Сарьяне шел я на спектакли Армянского государственного драматического театра имени Сундукяна, заранее предвкушая новое и интересное, чем может удивить меня, режиссера, встреча с древней — двадцативековой — и в то же время юной культурой армянского народа.

Я не ошибся. Искусство армянских актеров привлекло меня и порадовало, тронуло и взволновало, обогатило профессионально, однако вызвало и желание спорить, в отдельных случаях не согласиться с театром. Об этом хочется поговорить с гостями из Армении, как друзьями разговаривают с друзьями, — требовательно и доброжелательно.

Знакомство с театром начинается с афиши. У Театра имени Сундукяна она богата и разнообразна, на ней стоят достойные уважения имена. Армянские актеры привезли нам пьесы национальных классиков — В. Палазяна, А. Ширванзаде, А. Пароняна, Г. Сундукяна (комедия «Еще одна жертва»), а также «Отелло» Шекспира и «Гора Бульчовой» Горького. Однако та же афиша вызывает и чувство недоумения. Театр имени Сундукяна не показывает в Москве ни одного современного спектакля.

Дело здесь не в формальных претензиях. Ведь нынешние гастроли являются творческим отчетом театра, с которым москвичи не встречались с 1941 года. Этот отчет неизбежно остается неполным, кое-что скоро нам давно узнать, что же важно видеть театр в жизни страны и народа, как отлагается он на зов своего времени.

Каким же предстал перед нами театр в дни декады? Прежде всего Театром с большой буквы, творческим организмом, не забывшим своей действительной, игровой, агитационной природы. Как живописец Сарьян в своих полотнах славил живопись, так армянские актеры заставляли любить в театре его приподнятость, романтику, эрлицизм, многоцветие. В этом театре знают цену сценическому контрасту, умеют даже в пределах одного спектакля сопрягать высокое с низким, трагедию — с сатирой и гротеском, любят скульптурность, широкий жест, укрупненную деталь, бронзовую, подчеркнутую мизансцену. Таков почерк театра: таков же, мне кажется, почерк его главного режиссера В. Аджемяна, показавшего в дни декады три своих спектакля — «Утеся», В. Палазяна, «Намус» А. Ширванзаде и «Дядю Багдасара» А. Пароняна.

Черты присущего театру стиля сплелись в первую очередь в спектаклях романтического плана. Так решена романтическая драма «Намус» («Честь»), в которой рассказана горестная повесть гибели двух любящих сердец, как бы армянских Ромео и Джульетты, захлебнувшихся в тине вековых предрассудков, — рассказана сильно, сурово, с хорошим пафосом, но без дурной декламации. В той же красочной гамме театр представил «Отелло». Спектакль этот, поставленный старейшим режиссером Армении Л. Калантаром, строится на резком и гневном противопоставлении света и тени, подлости «честного Яго» — благородству и чистоте чернокожего Отелло.

Но вот и «Бульчова», социальная драма Горького, прочитанной правдиво, с пониманием сложных психологических процессов, в ней зрательных, театр также выделяет романтическую, богоробуческую струю. Бунт Бульчова против зла жизни, освещенного идеями бога, прикрытого пышными церковными ритуалами, становится главной темой армянского спектакля. И потому для него органична заключительная мизансцена второго акта — шествие «других» под «трубный глас» Гаврилы, возглавляемое простого солдата Аргена в том, что они не передали всего многообразия духовной жизни своих героев. В той манере, которая подсказана им автором и режиссером, они добились больших удач. Однако не все еще исполнители нашли точный социальный и психологический рисунок образа. Буржуазные националисты: учитель (арт. А. Арутюнян), священник (арт. А. Минасарян) и середняк Мовсес (арт. Л. Зограбян) — почти одинаково ведут себя в отношении к людям и событиям.

И-за отсутствия четко разработанного сюжета в спектакле кое-где явственно живое действие: иные сцены затянута, статичны, механически сменяются новыми, никак не связанными с предыдущими.

Пьеса и спектакль «Опытное поле» Н. Зарьяна любят в Армении, потому что в ней много хорошего, народного юмора, много точных наблюдений над жизнью и веселых комедийных ситуаций, в которых раскрываются характеры людей. На опытном поле проверяются не только новые сорта арбузов или томатов, но и сами люди, их взгляды на жизнь и на труд. И вот этот-то второй план комедии — тема опытного поля жизни — углубляет пьесу, переносит центр драматического действия на столкновение характеров. Именно так и понял комедию Н. Зарьяна Ленин-американский театр (режиссер А. Овсепян), что и сосредоточил главное свое внимание на живых человеческих судьбах. Большая удача и драматурга и театра — образ бригадира Балабена. В исполнении артиста О. Казаняна Ва-

Большие чувства, сильные характеры

пласывающим, злым, непокорным судьбе. Бульчовым. Русский режиссер В. Закаев в содружестве с армянским режиссером В. Варганяном нашел здесь точный сплав национального и общечеловеческого.

Иногда хочется остановиться на «Дяде Багдасаре», этой мужественной армянской драматургии. Сундукяновцы ценят и любят юмор, понимают природу комедийного театра. Смешное, комическое свободно вторгается в их спектакли, образуя контраст с трагедийными тонами представления. Чертами бытового народного юмора отменны образы мирового судьи в «Утеся», крестьянина Айрапета в «Намусе». Социальная сатира находит свое место в «Бульчове», а в «Дяде Багдасаре» театр целиком отдается стихии комического. И делает это забавно и остро, со всем присутствием ему темпераментом.

«Дядя Багдасар» — это не только злое разоблачение либерализма и буржуазного судопроизводства, это еще и сатира на весь буржуазный «прогресс», за которым скрываются алчность и разврат, законничество и взяточничество, коррупция и круговая порука. Судьба дяди Багдасара, заставшего свою жену Ануш выходящей из дома свиданья и не сумевшего добиться развода, оборвать свой фальшивый, оскорбительный брак, скорее горька, чем весела, да и вся пьеса достаточно горькая, скептическая. Кажется, однако, что театр прекрасно разработал все комедийные мотивы пьесы Пароняна, заострил их до шаража, до гротеска, не убоился пренебрежения и иронии, иначе сказать, сохранил сатирический заряд произведения, но не поддался, вопреки собственным намерениям, до труднейшего искусства трагикомедии, до высот сарказма.

Театр имени Сундукяна — это театр прекрасных актеров. Их отличает профессионализм, высокая культура мастерства. В работах театра подкупает слаженность ансамбля и гастрольное, в лучшем смысле слова, исполнение главных ролей.

Здесь прежде всего хочется сказать о В. Вагаряне в роли Бульчова. Его Егора принимает не сразу. Русские зрители смотрят на образ немного иначе, и нам подчас не хватает в армянском Бульчове русской шири, лукавства, природного озорства, не хватает того неистового душевного брожения, которым отмечен горьковский Бульчов. Но образ не становится от этого мельче или беднее. Чем дальше, тем больше покоряет этот колосс, исполнил, человек титанической внутренней силы, пронзительно острого ума. И такой жестокой токой веет от всего бульчовского существа, так яростно бунтует он против бессмысленности смерти, против всевластия «других», против «царства, где смрад», что образ приобретает трагические контуры, хотя Вагарян отнюдь не скрывает темных, «купеческих» качеств Бульчова.

Большим событием для москвитей явилась встреча со старейшим армянским — но и русским тоже, — актером В. Палазяном.

Палазян играет Отелло долгие годы — всю жизнь. Но образ, им созданный, не тускнеет. В нем соединено лучшее из национальных традиций с высокой культурой европейского театра. Отелло Палазяна — светлая личность, человек высокого благородства, гармонического строя души. Минимална Дедамоны воспринимается им как тра-

гедия — самый обычный человек, лишней юмора и своеобразного интеллекта. Комизм этого образа, как правильно понимают его актеры и режиссер, состоит в несоответствии высших чувств Балабена истинному ходу вещей, реальному развитию событий. Театр показывает, что Балабек готов на любую подлость ради своих корыстных интересов, ради угождения начальству. Как хороша выразительная деталь, тонко раскрывающая истинное положение Балабена в нашем обществе... Все разошлись. Балабек один. Он перечитывает свой очередной криветнический донос. Нога Балабена непрозрачно отстуканута что-то веселое. И вдруг стук собственного сапога пугает его. Кто-то идет. Надо прятать письмо. Надо бежать. А оказывается, стучал-то он сам.

Во многом обогатил образ директора совхоза Нишана Гарнакерян артист А. Арутюнян. Карьерист Гарнакерян написан в этой комедии несколько традиционно и упрощенно. Но богатая мимика актера, умение играть не только то, что написано автором, но и то, что можно вынести из подтекста, позволяют Арутюняну создать типичную фигуру приспосабливца, около которого могут сполно жить балабеки и им подобные.

Гораздо бледнее оказались в спектакле положительные герои — ученый агроном Месроп Карсеян (арт. Л. Абрамян) и секретарь партийной организации Корюн Зарфиян (арт. А. Пашаян). Образы эти мало говорят и драматургу: слишком много говорят эти люди прописных исти, слишком холодны они к окружающим, и что главное, абсолютно бездейственны. Между тем пассивная обора — не самая лучшая позиция для положительного героя.

На снимке: В. Палазян в роли Отелло. Фото Р. Ханюкян.

гическое крушение мечты. «А разлюблю — вернется хаос» — вот ключ к решению образа у Палазяна. Трагедия утраченного и возвращенного идеала раскрыл перед нами актер — раскрыл сильно, молодо, талантливо.

И третья роль — дядя Багдасар в исполнении Г. Нерсисяна. Образ ослепительный, глубоко народный. Багдасар наивен и простодушен, но все в нем протестует против того, с чем давно примирился свет. Он и тогда примирится, да душа не принимает разврата, подлости, алчности, лицемерия. Актер играет о великодушном юмором. Его сила — в подтексте, в глазах, выразительных, круглых, с лукавливой, в пантомиме, понятной без слов.

Размеры статьи не позволяют сколько-нибудь серьезно оценить работу остальных актеров. Но нельзя не упомянуть Г. Джангбегяна в ролях ростовщика Григоряги («Утеся») и Павлиана в «Бульчове». О. Гулазян, превосходно сыгравший там же Кесию и ряд других ролей в спектаклях театра; Г. Арутюняна — Звонцова и светского хлыща Кишара в «Дяде Багдасаре»; Т. Далакяна, создавшего в той же пьесе образ адвоката Охсена; А. Аветисяна в ролях мирового судьи Матвея Егоровича («Утеся») и Василия Достигаева; В. Маргуян в ряде второстепенных ролей и в частности, трубочка Гаврилы, а из молодежи театра — К. Абрамян — Рустам в «Намусе» и М. Симонян, разнообразно проявившую себя в «Торезе» («Утеся»). Сусан («Намус»), Дедамоны и Шуре Бульчовой («Утеся»).

Таким образом, и актеры есть, и принципы театра вызывают уважение, и можно говорить о его лице, о приметах стиля, ему свойственного. Что же все-таки не удовлетворяло меня, режиссера, в работах Театра имени Сундукяна?

Быть может, оттого, что самая важная страница жизни театра оказалась закрытой для нас, что мы не увидели на его сцене современной Советской Армении, я так и не поняв, просмотрев пять спектаклей, чем сегодня волнует коллектив, что его тревожит в жизни и в искусстве. Меня не удовлетворила удовлетворенность театра, сказал бы я, если бы не боялся как мне кажется, чуть пробабачить по темпераменту, ярким спектаклям театра холодом академизма, отсюда, наряду с политично и строго оформленным спектаклями, парадное великоопие покое Багдасара, излишне звездное небо в «Намусе», нагромождение деталей во дворце венецианских дождей, отсюда же, пусть и нечаянно, случаи формального существования актеров в образах второго плана.

Искусство не должно стареть, покрываться «хрестоматийным глянцем». И жалко, что этого сегодня, «снимнутого» нерва одной раз не хватает спектаклям саомытного и талантливого Театра имени Сундукяна.

Валентин ПЛУЧЕК

«Опытное поле». Рузан — арт. В. Вардересян, Карсеян — арт. Л. Абрамян. Фото Н. Кулешова.

Два спектакля

О прошлом Армении и о ее сегодняшнем драматический театр имени Мравина во время гастролей в Москве. Он показал всего лишь два спектакля: «В кольце» В. Варганяна — историческую драму об установлении советской власти в Армении, и «Опытное поле» Н. Зарьяна — комедию, посвященную делам и людям одного из наших совхозов. Но и эти две постановки, разные по жанрам, авторским манерам и сценическим решениям, позволяют судить о богатых возможностях Ленинканинского театра.

Пьеса В. Вагаряна «В кольце» написана давно. Тем интереснее было московскому зрителю увидеть спектакль, который познакомил его не только с историей Советской Армении, но и с ее ранней, молодой драматургией.

Спектакль этот выдержан в суровых скрутных тонах и в оформлении (художник Г. Варганян и О. Нерсисян) и в режиссуре (режиссеры В. Вагарян и Г. Мкртчян) и в актерском исполнении. Победа народа — не только праздник, но и долгая, полная жертв борьба. Театр затверделовало именно это звучание драмы — мажорное по историческому результату событий, но во многом и скорбное. Однако в мужественной от стирки, переданной театром в суровых фигурах борцов за свободу, сдержанных их движениях, в самом конкретном оформлении, мы не чувствуем безысходности — тема близкой победы все время звучит в спектакле.

Герои пьесы В. Вагаряна, и отрицательные и положительные, даны несколько обобщенно, плоско. Такое построение пьесы рождает и соответствующую манеру игры, передающую главную, единственную страсть в человеке, а не всю гамму его сложных мыслей и чувств. Поэтому мы были бы неправы, если бы упрекнули талантливых актеров А. Арутюняна, играющего богача Мелик-ага, П. Америяна, создавшего образ турецкого военачальника Рашид-бека, или А. Пашаяна в роли

лабек — самый обычный человек, лишней юмора и своеобразного интеллекта. Комизм этого образа, как правильно понимают его актеры и режиссер, состоит в несоответствии высших чувств Балабена истинному ходу вещей, реальному развитию событий. Театр показывает, что Балабек готов на любую подлость ради своих корыстных интересов, ради угождения начальству. Как хороша выразительная деталь, тонко раскрывающая истинное положение Балабена в нашем обществе... Все разошлись. Балабек один. Он перечитывает свой очередной криветнический донос. Нога Балабена непрозрачно отстуканута что-то веселое. И вдруг стук собственного сапога пугает его. Кто-то идет. Надо прятать письмо. Надо бежать. А оказывается, стучал-то он сам.

И. ВИШНЕВСКАЯ

Митшель ЛИМБУР,
французский журналист

ПОРА МИРНОГО ТРУДА

И только что вернулся из поездки по Северному Вьетнаму. Позади остались 350 километров. На нашей машине мы спускались вдоль отвесных склонов гор Тай Бака, поросших банановыми и бамбуковыми деревьями, пробивались сквозь густые чащобы джунглей. И почти на всем пути видели потоки автомашин. Они везли насаженцы горных районов рис и тани, скотины, товары. А обратно шли изделия этих районов. Мы вволю могли убедиться, как налаживается жизнь, крепнут экономические связи.

Пора мирного труда пришла в Демократическую Республику Вьетнам. Конечно, еще немало трудностей на пути. Еще предстоит борьба за мирное объединение страны на демократической основе. Нужно закончить восстановление экономики, добиться быстрого подъема жизненного уровня населения.

После двухдневного пути я добрался до Тхуан Тью, административного центра автономной области Тхай-Мео. В теплой зеленой долине живет здесь народность тхай. Вокруг небольшого искусственного озера в Тхуан Тью раскинулось десятком лав бамбуковых хижин. Есть и два каменных дома. А на уступах горных склонов, охвативших долину, убранный в зеленые сады народности мео, ха, ман, пуок и др. Некоторые из них совсем малочисленны, но сохраняют свой язык, национальную одежду, образ жизни.

Немало сложных проблем приходится решать народ-

ной власти в этих когда-то глухих местах. В прошлом, рассказывал мне Хо Ван Хак, вице-президент Административного комитета автономной области, феодальные семьи угнетали национальные меньшинства, использовали их в своей междоусобной борьбе. А французские колонизаторы, чтобы «держать в узде» различные народности, еще больше обостряли и разжигали национальную рознь. Они натравливали тхай, живущих в Тайтау, на тхай из Соны. Используя столкновения между ними, чужеземцы попирали свою колониальную армию. В свою очередь и тем и другим тхай внушалось, что мео хотят завладеть их рисом.

А жителей гор — племя мео — колонизаторы уверяли, что строят в их районах военные посты для защиты якобы самих мео от тхай.

Ныне Партия трудящихся Вьетнама, народное правительство образует здесь автономную область, объединяющую все национальные меньшинства. И хотя мейо сложностей на пути преодоления насаждавшейся веками розни, немало можно видеть и перемены. Все больше исчезает антагонизм между обитателями долины и гор. И становится привычным, когда люди народности мео посещают братьев тхай, а при неурожае снабжают их рисом.

Вместе с Кам Лином, специалистом по сельскохозяйственным вопросам в Административном комитете этой зоны, добрался мы до посейма Хуа На.

— Не забудьте на пороге хижины снять ботинки и не подходить к домашнему алтарю, — говорил он мне, когда мы вехали в селение. — И еще совет: прежде чем начать беседу, спросите, каковы выны на урожай и как здоровье детей.

Народность тхай почти не знает разделения труда. Казалось бы, семья ткет и прялет собранный ею хлопок, куёт необходимые сельскохозяйственные орудия, изготавливает гончарные изделия, отливают серебряные и никелевые брошки.

В одной из хижин мы застали «шаманшью» колдунью. Голова ее была покрыта большой, ярко расшитой шалью с вышивками до земли концами. Старуха произносила заклинания. За ее спиной были расставлены кувшины и различные предметы — жертвоприношения духам от семьи, пригласившей колдунью. Добрую половину всего этого добра она, конечно, заберет себе.

Но таких сцен в бамбуковых хижинах становится все меньше. Заметно падает влияние шаманов среди народности тхай. Все больше хиреет их авторитет перед наступлением нового. Правда, борьба предстоит еще трудная и длительная, ибо шаманы выступают и как лекари, и как священники, и как священники. Когда в Хуа На началось движение за ликвидацию неграмотности, а затем был создан культурно-просветительский кружок, шаманы пришли в ярость. Они предсказывали самые страшные бедствия и первой сельскохозяйственной бригаде взаимопомощи. Но бессилие шаманов очень скоро стало очевидным, сколь очевидной стала и польза совместной обработки земли. Так новое побеждает старое, прогрессивное отбрасывает отсталое, гнилое.

Шаманы препятствуют и деятельности врача Нгуан Ким Фонга, с которым я познакомился на станции медико-санитарной службы возле Тхуан Тью. Эта станция имеет кабинет для приема больных, более сотни коек, небольшое хирургическое отделение и даже школу.

— Конечно, санитарное состояние наших мест, — сказал мне Нгуан Ким Фонг, — пока еще оставляет желать лучшего. На каждые 30 человек в среднем приходится лишь одна мысовая сетка. А у народности мео и ха их нет совсем. Не удивительно, что многие больны малярией. Немало и других болезней.

— Все время, — продолжал врач после небольшой паузы, — мы наталкиваемся на упорное сопротивление шаманов. Они убеждают местных жителей, что духи категорически запрещают все лечение. Шаманы настраивают население против санитарных работников, отговаривают от приема хижины и т. п. Но им все труднее строить свои козни.

Да и среди шаманов уже находятся колеблющиеся перед лицом неграмотной правды. Вот и такие, которые признают, что дурачина до сих пор население. Мне, например, рассказывали о шамане, который посещает санитарных курсов.

В селе Ван Пан я встретил толстого, апатичного на вид старика. Мы сидели с ним в его хижине и беседовали. Пуская клубы дыма из своей водяной трубы, он сказал мне: «Во время французской оккупации, выполнял приказ феодальных властей, я стал шаманом. Теперь же я такой, как и все. Раньше, когда на наши поля нападали гусеницы, я прибегал к заклинаниям. Конечно, это ничего не давало. А в этом году, когда гусеницы снова вернулись, я посоветовал засыпать рисовые поля известью, перемешанной с горькими кореньями. И это оказалось куда полезнее».

Медицина одерживает все больше побед. 153 из 353 деревень автономной области Тхай-Мео имеют теперь санитарные пункты. Если раньше к врачу обращались, когда больной находился уже при смерти, то теперь иное дело. Часто на медицинских пунктах одновременно бывает до 50 человек. Чтобы избежать больных от больших и трудных переходов по джунглям, созданы разъездные медицинские отряды. Они добораются до самых отдаленных горных поселений. Все чаще местные жители обращаются за помощью к представителям властей, просят у них хинин или таблетки от желудочных заболеваний.

Еще более наглядны перемены на культурном фронте. Поэт Лоонг Но рассказывал мне, что за один год взрослых, посещавших курсы ликвидации неграмотности, возросло с 7 500 до 27 200 человек. В школах первой ступени обучается сейчас более 24 тысяч учеников. В районах, заселенных народностью мео, подготавливается фонетизация письменности.

Здесь, в горах Тай Бака, я часто вспоминаю роман Т. Семушкина о становлении советской власти на далеком севере СССР. И я думаю: жизнь национальных меньшинств Вьетнама, больше преобразований, которые входят в их быт, ломают старые нормы и понятия, — все это «непопавшая целина», которая ждет еще своего художника.

ХАНОЙ, июнь

Магазин Государственного департамента торговли в Тхуан Тью.

Международная почта

ЛОРЭНТ ЛЭВЕЛИ И ДРУГИЕ

ЧЕРЕЗ две недели после того, как профессор Лорент Лэвели предстал перед комиссией по расследованию антиамериканской деятельности и, сославшись на конституцию, отказался отвечать на вопросы, он был уволен из колледжа Дикинсон в Карлайле (штат Пенсильвания), где преподавал...

В годы второй мировой войны Л. Лэвели был членом управления по вопросам труда в городе Денвере. Недавно один провокатор включил его имя в список «коммунистов», якобы входивших в это управление. И вот «охотники за вредными предпринимателями» расследование, чтобы выяснить, занимались ли лица, названные провокатором, в том числе Лэвели, коммунистической деятельностью, находясь на службе правительства США. Этого оказалось достаточно для расправы над честным ученым.

Преследование демократически и либерально настроенной интеллигенции в США продолжается. Сотни профессоров и педагогов изгнаны из учебных заведений Америки по подозрению в «красных мыслях». Однако сегодня действия американских реакционеров встречают все усиливающееся сопротивление — упорно подготавливается время от времени антикоммунистическая кампания беззастенчиво скандализируя себя.

Увольнение Лоранта Лэвели вызвало протесты. Студенты вывесили перед зданием колледжа плакаты, протестующие против изгнания профессора, а преподаватели провели митинг, на котором подавляющим большинством голосов потребовали восстановления Лэвели. Выходящая в Нью-Йорке «Газет энд дейли» привела в редакционной статье студентов и преподавателей колледжа за то, что «они столь быстро, таким большинством и столь решительно оценили значение поставленного вопроса и показали свое отношение к этому вопросу. Это чудесный пример».

Большую победу одержали шестнадцать преподавателей, уволенных из Калифорнийского университета за отказ подписать «специальную присягу о лояльности». После двух с половиной лет борьбы, которую они вели в судебных инстанциях, Верховный суд штата Калифорния вынес решение: восстановить всех на работе. Тогда руководители университета отказались выплатить им заработную плату за тот период, что они не работали. При широкой поддержке ученых преподаватели добились удовлетворения своих требований: недавно университет объявил, что выплатит все причитающиеся им за два с половиной года деньги.

Рассказываем еще об одном факте. В городе Райсвилле (штат Айова) андеотским нападкам подвергся учитель Поль Райчер. Школьный совет «принял отставку» молодого учителя, обвинив его в том, что он «подорвал» умы учеников, читая им... отзывы из книги современного американского писателя Стейнбека «Гроздь гнева!» Но это еще не все. Оказывается, «эпохонемный» Райчер указывал на недостатки в нашей демократии. Произнес эти слова, руководитель школьного совета напыщенно изрек: «Нам не нравятся интеллигенты вроде Липпмана».

Итак, райсвилльскому школьному совету не устроивает даже Уолтер Липпман — ведущий американский буржуазный журналист, несомненно «человек благонадежный»...

Газета «Де Мойн реджистер» поместила несколько писем читателей, которые выступили в защиту учителя. «Мне кажется», говорится в письме Дуана Кронке из Перри, «что инцидент с Райчером — новое свидетельство массового страха, невежества и нелегитимных доводов в США...».

Далее-стии заявил: «Я хотел бы, чтобы каждый учитель в Айове и США с таким же мужеством, как Райчер, защищал и развивал свободу мысли и свободу печати...»

Объект, вокруг которого нужно установить блокаду. Рисунок художника Фитцпатрика из американской газеты «Сан-Луис пост диспетч»

Е. СУРКОВ БЕЛГРАД ТЕАТРАЛЬНЫЙ

Едва машина пересекла черту аэропорта, мы начали искать афишу. Еще в самолете мы воображали ее, в котором, торжественно в своем отпуске: «Гостиница Мостовского. Художественного театра в Югославии!» Но афиши не было. Вот уже позади остался Зимун с шумными стайками молодежи вокруг корпусов студенческого городка, вот и Белград распахнул перед нами свои просторы, стремительно вбегающие в горы улицы. А афиши все не было...

Ее не оказалось и потом: ни названий, ни недельных списков. Ее не было совсем. Оказывался, большой столичный город, насчитывающий более полумиллиона жителей, имеющий пять театров и несколько десятков библиотек (так здесь называют кинематографы), не нуждается в афишах. Их выпускают только тогда, когда успех представления кажется сомнительным. Если же руководители театра уверены в своих спектаклях, они ограничиваются тем, что вывешивают небольшой анонс у здания театра да еще дают объявление в газете. И зрители приходят так охотно и дружно, что белградские театральные директора просто не знают, как грустно выглядят партер, в котором то там, то сямают пустующие стулья.

Уже из одного этого факта видно, насколько глубоко и органично вошел театр в жизнь Белграда. И действительно, зрители у югославских актеров изумительные. Иной раз, стоя за кулисами, вы можете даже подумать, что спектакль идет перед пустым залом: так идеально тихо слушают пьесу зрители. Потом вдруг волной проносится смех или зал как бы единой грудью вздохнет, переживая драматическую ситуацию, и опять тишина — сосредоточенная, напряженная, по-особому деликатная.

Ухищрения разбитой театральной перед таким залом выдают себя особенно быстро. В белградских театрах, как и во всех театрах мира, рядом с прекрасными мастерами играют и артисты поуже, а иногда и просто клоуны. Но общий стиль игры здесь строг, целенаправленно слерпан.

Помню, когда мы собирались в Югославию, один досужий «знарок» авторитетно предупреждал: театры в Белграде сплошь захвачены модернистскими влияниями, реализм там выбит со всех позаций.

Но сразу судить о театральной жизни страны во всем ее объеме, но те двадцать спектаклей, которые я видел в Белграде, носят реалистический характер.

Правда, на сцене Народного театра я видел «Кирь-Яню» Стери Поповича, шедшего на фоне огромного зеленого задника, по которому мелом были вычерчены дома, колокольни, улицы старинного города. Но актеры на фоне этого задника играли так же, как и в других спектаклях этого театра, — искренно, просто, превосходно чувствуя простодуший, несколько примольный юмор своего любимого автора, почти столетие тому назад положившего своими сочными, веселыми комедиями нравов начало новой сербской реалистической драматургии.

Разумеется, для того, чтобы судить о тенденциях развития целой национальной театральной культуры, мало впечатлений, полученных за один месяц, тем более, что белградские театры вовсе не страдают скудной болезнью творческого обезобразия.

Тем не менее, в искусстве белградских театров, как бы разнородны они ни были, легко заметна одна черта, общая для них всех. Это оно прежде всего театры актерские. Конечно, такое определение и не вполне точно и недостаточно характерно. Тем более, что в югославском театре есть крупные, вполне самостоятельные режиссерские индивидуальности, — хотя бы Воян Ступица, постановщик спектакля «Дундо Марое», недавно виденного москвичами. Очень интересен также Томислав Танховер, давший смелую и во многом новаторскую постановку расиновской «Федры». Большим авторитетом пользуются у критики маститый Бранко Гавелла, на один из ранних опусов которого еще в начале 20-х годов обратил сочувственное внимание Станиславский, и более молодой — Мата Милошевич, Хуго Клайн, Милан Джокевич, Марко Фотез, Милослав Белович и другие.

И все-таки в утверждении, что белградские театры — театры по преимуществу актерские, есть свой резон. Во спектаклях, виденных мною в Белграде, даже те из них, где режиссерская концепция была выражена особенно настойчиво и сильно, были все же спектаклями, в которых актер оставался первым, основным и явно доминирующим началом сценического представления. Во многих же спектаклях, и в частности во всех постановках пьес Мирослава Крлежа, это полное, безоговорочное сосредоточение на актере становилось наглядным до предела.

В этом последнем случае многое, впрочем, предопределяется уже самой композиционной структурой драматургии Крлежа. Драматурга, более равнодушного ко всему тому, что составляет внешнюю сторону действия, я, пожалуй, не мог бы назвать. В его пьесах «Господа Глембаевы» и «В агонии» есть целые акты, длющиеся 40—45 минут, в которых действующего всего лишь два персонажа! Причем внешне действительный элемент в их взаимоотношениях сводится почти к нулю. Персонажи только разговаривают! Но в процессе этих разговоров открываются все новые аспекты, в интереснейшей драматургии разоблачается ложь, вскрывается долгое время скрываемая правда, рушатся сложившиеся отношения, словом, совершается та трудная и напряженная внутренняя работа в сознании людей, в воображении которой и состоит главная цель драматурга.

Пьесы Крлежа предъявляют особые требования к технике актера. Для того, чтобы вдвоем провести без малого час на сцене в разговорах и заставить зрителя слушать себя, нужна не только строжайшая сосредоточенность на движении авторской мысли, на внутреннем мире своих героев. Тут нужно еще особое искусство логично слова, когда оно без помощи каких бы то ни было внешних синхронизированных возбудителей могло бы держаться в напряжении зал.

И югославские актеры нашли исполнителский стиль, отвечающий требованиям драматургии Крлежа. В декорациях, настолько нарочито обычных, что, кажется, они имеют только одну цель: в коем случае не отвлекать на себя внимания, в мизансценах, настолько обделенных и простых, что их потом трудно бывает вспомнить, большие мастера югославской сцены — Сава Северич, Любиса Йованович, Раша Плаович и другие ведут свои сложные беседы-последики, достигая временами поразительной насыщенности и вышуклости психологических характеристик.

Но если в постановках пьес Крлежа на сцене Народного театра режиссер вообще неотделим от актера, то в постановке «Салемских колдуний», которую я видел в Белградском театре, режиссер, так сказать, «вычищается» из спектакля без малейшего труда.

В «Салемских колдуниях» декораций в обычном смысле слова нет. Вся сцена занята черным бархатом, и только простоявшая конструкция из нескольких некрашеных досок, по-разному складывающихся на фоне этого бархата, что создает впечатление, что перед вами подвешены инвентарные, то переносит вас в уютный, плохо обжитой дом Джона Проктора. Иному ригористу такое решение сценического пространства могло бы, пожалуй, показаться формалистическим. Но я твердо уверен, что для подобных обвинений режиссура Предрага Динуловича оснований не дает. Не говоря уже о том, что черным бархат с выразительно прочерченным на нем «узором» из свежеструанных досок создает вполне реалистичное, вполне достоверное ощущение и эмоциональной атмосферы и жизненных обстоятельств, в которых протекает действие пьесы.

Решение Динуловича необыкновенно удачно еще в одном отношении. Оканчивается оно в высшей степени выразительно и выпукло выделяет игру актеров. А актеры в этом спектакле — и прежде всего Кеския Йованович, достигшая в роли несчастной Элизабет Проктор подлинной трагической силы при удивительной простоте и скромности изобразительных средств, — играют с такой обожанностью чувств, так смело и страстно отдаваясь эмоциональной стихии пьесы, что невольно приходишь на ум воспоминания о спектаклях студии МХАТ — «Празднике мира» или «Сверчке на печи».

Воспоминания такого рода, впрочем, возникают отнюдь не в одном только белградском театре. Вот почему, когда сейчас я думаю об успехе Художественного театра в Югославии — успехе поистине огромном, — этот успех органически связываю с моим сознанием со всем тем, что позволило видеть и пережить в Белграде. И если в первую минуту трудно бывало объяснить, почему зрители, почти или совсем не понимая русского языка, так бережно и чутко слушали мхатовские спектакли, то сейчас откликнулся на тончайшие, сокровеннейшие оттенки в актерских или режиссерских замыслах, то сейчас объяснение такой чуткости становится до очевидности простым. МХАТ просто оказался

в русле художественных стремлений, вкусов, традиций и югославских зрителей и югославских актеров. К восприятию его спектаклей белградцы были подготовлены залогом. И не только потому, что Достоевского. Моего Гоголя или Толстого в Югославию знают, право же, не меньше, чем у нас, а и потому, что то, ради чего сложилось, окрепло и победило мир искусство Художественного театра, пользуется широким пониманием и симпатиями в среде югославских театральных деятелей.

Помните, как-то после одного из спектаклей в Народном театре мы поздно зашли за нашечкой неизбежного тут иречьящего черного кофе с Миланом Джокевичем и Рашей Плаовичем. Плаович играл в тот вечер скупца Кирь-Яню из пьесы Стери Поповича, и Милан Джокевич, директор Народного театра и тонкий, широко образованный искусствовед, переводчик Станиславского на сербо-хорватский язык, увлекательно комментировал для меня его сложный и, как мне показалось, несколько парадоксальный замысел. Потом разговор незаметно принял более широкий характер. «Поймите меня правильно», — сказал я Джокевичу. — Все, что я видел и вижу здесь, в Белграде, так интересно и своеобразно, что именно это ощущение своеобразия и новизны остается главнействующим. И все-таки буквально с первого дня меня не оставляет и другое ощущение: в этом сценическом искусстве, да и уверенно отличившемся в свои, не повторяю самостоятельные формы, все время слышится что-то близкое, даже, если хотите, знакомое нам, русским».

Действительно, в первый же день моего пребывания в Белграде мне довелось побывать в Народном театре на представлении пьесы Бориса Станюковича «Нюшана». Трудно было бы, пожалуй, отыскать другой спектакль, который вот так сразу же смог бы погрузить приезжего человека в новую для него национальную стихию! Все звенящий народными песнями, танцами, он как бы в одном стремительном зуре развернул передо мной увлекательный мир старинных обычаев, традиций, поверий. Надо ли говорить, как это было интересно, интересно прежде всего своей новизной.

Но даже в этом спектакле отчетливо слышалось что-то давно знакомое, родное. Оказывается, югославская «Нюшана» удивительно напоминает по своей драматургической структуре старинную украинскую народную комедию. Обо всем этом я и попробовал рассказать Джокевичу. Против ожидания Джокевич отнесся к моим наблюдениям с интересом, но без удивления. Видимо, там, где для меня только открывалось поле для новых сопоставлений и ассоциаций, для моего собеседника все давно было ясно и понятно. «Я не буду вам напоминать, — сказал он, — что, к примеру, тот же Нушич, столь хорошо прививающийся сейчас к нашей сцене, всегда считал себя учеником Гоголя и даже называл свои комедии «гоголядой». Такие примеры много, и не в них суть. Главное в том никогда не прекращающемся интересе, с которым мы, югославы, всегда следили за русской литературой и русским театром. Следили потому, что всегда находили у Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова, Станиславского ответы на многие волновавшие

Справедливость этих слов мне приходилось оценить не раз. И поэтому, хотя мне и не довелось видеть «Егора Булычова» в исполнении ансамбля Югославского драматического театра, то, что Р. Сиринов, анализируя этот спектакль в «Правде», нашел, что он исходит из творческих принципов, во многом близких советскому театру, мне показалось в высшей степени знаменательным.

А разве не близка нам также и постановка «Дундо Марое»? В том, что Воян Ступица, увлеченный ренессансной жанроватностью комедии М. Дрижича, не пренебрегал за прихотливой слетенности фабульных нитей реалистической конкретности отраженных в пьесе жизненных отношений, уже намечается точка соприкосновения его спектакля с многими из наших спектаклей ренессансного репертуара. А увлеченность чисто народным элементом комедии Дрижича, также пронизывающая его постановку? Разве в стремлении поставить в центр спектакля прежде всего активного плещейный элемент не проявилась та же близость к нашему пониманию творческих традиций комедийного театра Ренессанса?

Разумеется, не нужно впадать в преувеличения и натяжки. Наблюдения, высказанные здесь, могут быть умножены. Но эти же наблюдения могут привести к абсурду, если распорядиться ими слишком поспешно и грубо. На протяжении всего своего развития югославский театр шел своим путем. И на этом пути обрел черты, определяющие его неповторимое своеобразие среди других национальных театральных культур. И чем глубже, чем пристальнее будем мы изучать богатый исторический опыт, накопленный драматической литературой и театрами Югославии, тем понятнее и ярче будет вырисовываться перед нами это своеобразие. Это бесспорно.

Но не менее бесспорно и другое: тем отчетливее и легче будет проступать на фоне этого своеобразия все то, что органически облекает и рождает наши сценические и драматургические традиции.

Сцена из спектакля Югославского драматического театра «Федра» Расина. В главной роли — Мария Чибричи (слева)

Памяти Христо Ботева

Болгарская общественность широко отметила 80-летие со дня героической гибели великого сына болгарского народа — поэта-революционера Христо Ботева.

В Софии на торжественном чествовании памяти поэта с докладом о его жизни и творчестве выступил академик Тодор Павлов. К памятной дате издательством «Наука и искусство» выпущена работа Жака Натана «Идеология Христо Ботева».

Тысячи болгарских трудящихся и молодежи социалистической Болгарии в знак глубокого уважения к памяти поэта посетили новый гигантский лесопарк в селе Коалодуй, высаженный на 120 километров вглубь от того места болгарской земли, которое пожелал великий гражданин-патриот Ботева, когда в дни восстания против турецкого господства в 1876 году высадился со своими дружинниками на берегу Дуная.

ЕЩЕ О «ЛИКОВАНИИ» НА ЗНИВЕТОКЕ

В МАРТЕ, в 27 нашей газете, была опубликована из французского еженедельника «Карфур» карикатура «Ликование на островах Зниветоке». На ней были изображены два туземца — жители этих тихоокеанских островов, превращенных американцами в атомный полигон. «Весной», — говорит один туземец другому, — бомбы «сверхдородной» бомбы они сбросят на нас всевозможное несколько атомных бомб...».

Так художник Анж Мишель сатирически оценил сообщения Пентагона о том, что испытания «сверхдородной» бомбы на Зниветоке производиться не будут.

Настал май, и — увы! — американцы взорвали хоть и не «сверх», но все же водородную бомбу... Ряд буржуазных газет выразил свое отрицательное отношение к этим испытаниям. Вернулся к старой теме и еженедельник «Карфур», который поместил в связи с взрывом бомбы новую карикатуру того же Анж Мишеля.

ЗНИВЕТОК

— Опять водородная бомба. Если они будут продолжать в том же духе, то вскоре на наших островах исчезнут последние следы варварства!

Вместо дифирамбов — бойкот... Студентам лицензия Д. В. Вико в Неаполе было предложено написать классическое сочинение на тему о значении НАТО и атлантической политики. Действительные прошения, сформулированные эту тему, очевидно, рассчитывали на то, что студенты скажут, так сказать, хором: «Великий!»

Из американского «юмора»

— Папа, с гордым видом сказал мальчуган, обращаясь к отцу, знаешь, что сегодня сделал? Я получил палочку динамита под ступ учительницы. — Сейчас же пойдя обратно в школу и извинился! — воскликнул отец. — В школу! — переспросил мальчик. — В какую школу! — Из американского журнала «Нью-Йорк таймс»

Вместо дифирамбов — бойкот...

Как сообщает итальянский журнал «Контемпоранео», из тысячи учащихся лицей сочинение написали лишь двенадцать человек, а остальные вручили преподавателям чистые листы бумаги...

Этот бойкот — одно из проявлений протеста итальянского народа против политики подготовки войны.

ВЕСТИ ИЗ КАТАПИЛКО

КРОХОТНЫЙ чилийский городок Катапилко находится вдалеке от столбовых дорог большой международной политики. И, скажем сразу, итоги выборов в муниципальный совет этого города никак не повлияют на мировую политический климат. Читатель, привыкшему измерять поданные на выборах голоса миллионами, покажется сущим пустяком тот факт, что в Антонио Саморано прошел в муниципалитет, набрав 196 голосов... Тем не менее Саморано достоин того, чтобы о нем рассказать.

Однажды вскоре после того, как Антонио Саморано занял место приходского священника в Катапилко, к нему обратилась группа крестьян с жалобой на помещика, который отказался заплатить им за работу. Крестьяне чуть не плакали от досады.

— Сделай что-нибудь, — сказал священник. — А ну, давай-ка прочитай нашего помещика. В тот же вечер возле усадьбы помещика состоялось фальшивое шествие. Впереди шагал падре Антонио. Вслед за ним шли фальшивые фавелы под окнами, вероятно, произвел на помещика впечатление: он тут же вынес батракам причитающиеся им деньги.

Но в отместку помещик уменьшил до минимума пожертвования на церковь. Это был удар не столько по церкви, сколько по школе, которую основал Саморано для крестьянских ребятишек. Тогда находчивый священник открыл в церковном дворе крестьянский клуб. По вечерам здесь устраивали танцы и лотереи. Клуб приносил доход, который шел на содержание школы. Но главное, что волновало священника Саморано больше всего, — это нищета и голод в деревнях его прихода.

— Нужно что-то делать, — говорил он пастырь. — Начнем хотя бы с того, что изберем в муниципалитет настоящего крестьянского депутата.

До тех пор «демократия» выражалась в том, что помещик по недорочной цене скупал голоса крестьян-избирателей и без хлопот делал себя членом муниципалитета. Но на сей раз крестьяне решили выставить новую кандидатуру — Антонио Саморано.

Один из помещиков, по фамилии Перес, помчался к епископу — жаловаться. «Это не священник, это агитатор!» — шумел разъяренный Перес.

Епископ вызвал Саморано и предложил ему под угрозой лишения духовного сана снять свою кандидатуру на муниципальных выборах. Саморано отказался. Так он перестал быть священником, но остался крестьянским депутатом. Он получил на выборах 196 голосов и лишь 8 противников.

Американский журнал «Таймс», рассказавший о событиях в Катапилко, озвучил свою заметку: «Беспочный священник». Что ж, у Антонио Саморано, видимо, действительно беспопное сердце — об этом говорят его поведение, его честность и сочувствие горестям простых людей.

«РЕСТОРАН 08/15»

Некий предприимчивый ресторатор решил с выгодой использовать милитаристские настроения, разжигаемые сейчас в Западной Германии. Он назвал свое заведение на площади Ноллендорфплац в Западной Берлине «Ресторан 08/15» и ожидал, что посетители итальянского народа против политики подготовки войны.

«08/15» — марка одного из видов оружия гитлеровского вермахта. Выражение «08/15» стало как символом немецкого милитаризма после того, как несколько лет назад под таким названием в Западной Германии был выпущен в свет ролик.

Надежды, однако, не оправдались: Берлинцы бойкотировали «Ресторан 08/15», показал, что милитаристский балаган им противен. Начиная окончилось скоро и плачевно: ресторатор пустовал, прогорел и, как сообщила газета «Берлинер дейтунг», закрылся.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Г. ГУЛИЯ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМРНОВ, Н. ШАМОТА (зам. главного редактора).